

Женское лицо войны

Наша память хранит много воспоминаний... Говорят, самые яркие — родом из детства

Я счастливый человек: мое детство проходило в атмосфере любви, путешествий, смены мест, людей и событий. Помню землетрясение в Душанбе в начале пятидесятых. Маленькая девочка я стою во дворе детства с другими детьми, а земля дрожит так, будто по ней идут танки. Это ощущение «живой» земли осталось со мной на всю жизнь.

Помню огромный безбрежный Тихий океан. Стою на палубе корабля, мне шесть лет. Мы плывем во Владивосток к месту новой службы отца. Я смотрю на тяжелую свинцовую воду и мне страшно. Эта мощь океана, уходящего в запредельную даль, давит на меня — хочется побыстрее увидеть берег. Рядом родители — молодые, счастливые, живут ожиданием новой интересной жизни. Это передается и мне с сестрой. Когда тебя любят, ничего не страшно. Помню Южно-Сахалинск, японские домики с фанерными раздвижными дверями. Мне кажется, что сегодняшние шкафы-купе отсюда. Помню, как катались с сестрой на санках с горы и врезались в забор. Я сильно ударилась, хромала и дома расплакалась. Родители встретили нас со слезами на глазах — умер «душка Сталин». Взрослые были растеряны, успокаивали меня, а казалось, это они шепотом говорят себе: «Все будет хорошо!» Но больше всего я запомнила мамин рассказ о войне. Родители оба были фронтовиками, но мамин рассказ был ярче, эмоциональнее, живее.

Папа служил на Южном Сахалине. Мы с сестрой были детьми военного, жили в лесу, в военном городке в двенадцати километрах от райцентра — городка Анива. Отец утеплял заваляшкой наш финский шитовый домик, но это не спасало от ветров и снежных заносов. Маме приходилось вставать в 4–5 утра и топить печь, чтобы было тепло. Вечерами часто отключали электричество, и тогда мама зажигала керосиновую лампу. Мы с сестрой любили эти вечера. Папа уезжал на учения, мы оставались одни и просили маму рассказать о войне. Она говорила увлеченно, легко, чаще смешные истории, шедшие на детскую понижку. Все рассказы оседали в памяти. Даже во сне я видела маму на фоне воюющей дивизии.

Маме родилась недалеко от Белоречья. Родители ее жили тогда на приречье. Ее папа и дед были родом из состоятельной семьи, до сих пор сохранился их дом в Яранске. У деда была редкая фамилия — Уртминцев.

Он получил хорошее образование, ему пророчили блестящую карьеру, но грянула революция, потом гражданская война. Дед добровольцем ушел на фронт, в Красную Армию. Был ранен, в Тифлисе попал в госпиталь. Там встретил мою бабушку — медсестру. Она была грузинкой.

Когда началась Великая Отечественная, мамин брат, еще совсем мальчик, пошел добровольцем на фронт после военного училища. Уходили однокурсники, друзья, мой папа, с которым мама училась в школе. После школы маме разрешили преподавать в начальных классах. Каждый день всей семьей мы слушали сводки с фронта, переживали за брата. Дед очень гордился, что сын защищает Родину. Сам он болел туберкулезом, до конца дней оставался патриотом. Бабушку с большими опухшими ногами он записал на рытье окопов. Но мог ли он подозревать, что его озорная дочь Нинушка выкинута такой номер: вместе с подружкой пошла в госпиталь и написала заявление, решила ехать на фронт. Дед потерял дар речи, бабушка долго убеждала дочь, что отец очень болен, брат уже на фронте, а ей нужно остаться с родителями.

— Забери немедленно заявление, — сказала бабушка маме. Маме отправилась в военкомат. Робко вошла в кабинет и увидела военного башкирина. Быстро изложила суть дела, подняла голову и вдруг встретилась с суровым взглядом.

— Комсомолка? — Да. Девочка с толстыми русыми косами, зелеными глазами и носом с горбинкой отправилась защищать Родину. У нее началась другая, взрослая жизнь... Маме вноса в женский батальон ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь. Они шли с действующей армией. Наблюдали за самолетами противника, сообщали их координаты в штаб армии. Косы пришлось отрезать, чтобы не было видно. Маме не жалело — так было проще. Неподалеку от блиндажей стояли вышки, с которых шло наблюдение. Дежурили по очереди. Вначале было особенно страшно, потом привыкли, если можно вообще привыкнуть к гулу самолетов, опасности и войне.

В батальоне были женщины разных возрастов, национальностей, но в основном молодые девушки. Единственным мужчиной был старшина. Я забыла его имя, но помню, мама отзывалась о нем очень хорошо. Он был для

Мамин брат, еще совсем мальчик, пошел добровольцем на фронт после военного училища. Уходили однокурсники, друзья, мой папа, с которым мама училась в школе. После школы маме разрешили преподавать в начальных классах. Каждый день всей семьей мы слушали сводки с фронта, переживали за брата. Дед очень гордился, что сын защищает Родину. Сам он болел туберкулезом, до конца дней оставался патриотом. Бабушку с большими опухшими ногами он записал на рытье окопов. Но мог ли он подозревать, что его озорная дочь Нинушка выкинута такой номер: вместе с подружкой пошла в госпиталь и написала заявление, решила ехать на фронт. Дед потерял дар речи, бабушка долго убеждала дочь, что отец очень болен, брат уже на фронте, а ей нужно остаться с родителями.

них и старшим братом, и отцом, и командиром.

На войне быстро взрослели, но молодость брала свое.

Тряпичная полубочка

У мамы был красивый почерк, да и писала она грамотно, поэтому часто отправляла задания в штаб. Зимой вставала на лыжи и шла к начальству. Во время этих походов и приглянулась молодому лейтенанту, который при случае стал заглядывать к ним в блиндаж. Девочки переминивались, мама делала вид, что не замечает.

Как-то во время дежурства по блиндажу, когда она готовила ужин, приехал лейтенант. Он вошел неслышным, мама была испугана, девочки захихикали. Спала сама — свет канители еле освещал помещенье.

Лейтенант смущенно протянул маме «подарок» — ватные штаны, чем смутил ее еще больше. Конечно, штаны были кста-ти — зима была суровой, но подруги были свидетелями позора. Стыд-то какой: парень штаны привез! Девочки быстро сообразили, что вещь нужная.

— Бери, Нинушка, бери. Мы все по очереди греться будем, — расхохотались девчата. Что делать? Взглянула мама штаны, чуть не плача, из последних сил держится, но не расплакалась, даже поужинать лейтенанту предложила. А он, нахал такой, не отказался. Потом долго прощались со всеми, выжидал, но мама провожать его не вышла. Лишь когда он ушел и все успокоилось, сама вышла поест. И только ложу похлебки проглотила, как почувствовала жуткую горечь и что-то склизкое. Открыла чужок, поднесла его к свету и обмерла. В похлебке плавали остатки тряпки. Видимо, от

волнения тряпку, которой прихватывали крышку чужонка, уронила внутрь. Лейтенант потом куда-то пропал, то ли ранило, то ли отравило в другое место, а может, похлебка виновата... Долго еще вспоминали с дев-

чонками этот случай и дружно хохотали.

Матка Боска

Их полк стоял в Польше. В Ченстохове был католический собор, а в нем статуя Матки Боски, как ее называли поляки. Когда мама с подружками впервые вошла в костел просто из женского любопытства, их ошеломила красота. Собор был не похож на наши скромные церкви, он казался большим и роскошным. А Матка Боска сверкала каменьями. Девочки даже тикотонно потрогали ее, но священник так строго на них взглянул, что больше они себе такого не позволяли.

Длинные скамьи, кельи вдоль стен — все это было необычно для русского человека. И хотя руководство их предупреждало об опасности, любопытство брало свое. Мама несколько раз потихоньку бегала в собор, рассматривала фрески, а около Матки Боски могла стоять часами.

Католический священник заметил молодую девушку, начал смотреть на нее благосклонно. Однажды в очередной раз рассматривала маму Матку Боску и почувствовала чей-то взгляд. Оглянувшись, а из кельи сбоку ее «сверлит» огромный горящий глаз и виден силуэт монаха. Мама стала на него смотреть, а он тоже посмотрел на Матку Боску, но жизнь до-роже.

Полевая почта 66962

О фронтовых треугольниках знают даже нынешние дети. Но рассказ об них из уст мамы звучит иначе, особенно. Почти весь женский батальон переписывался с фронтовиками. Были случаи, когда по переписке девчонки даже замуж выходили в конце войны. Так случилось с маминкой однополчанкой Дашей. Девушка была очень высокой, пропавших говорили — дылда. Все девчонки мечтали об окончании войны, мирной жизни, семье... Даша тоже мечтала, но говорила:

— Я, Нина, замуж не выйду. Я не дылда какая, а у нас в деревне все парни с поготок. При таком росте у Дашки было очень милое личико, маленькая головка, узкие плечи. Вот она и фотографировалась так — голова и плечи. Отправила свой треугольник, а вскоре получила ответ. Молодой лейтенант Миша начал свое послание так: «Здравствуй, милая крошка Даша». Девчонки смеялись от души.

А всем было интересно, чем все это кончится.

Уже после войны папу отправили служить в Среднюю Азию, в Душанбе. Они с мамой встретили молодую женщину с мужем-офицером. Муж был ниже ростом, но оба такие счастливые и жизнерадостные, что вызвали улыбку одобрения. Это, конечно, была Даша. Военно-полевой роман, треугольники — вот что принесло ей счастье.

А моя мама отправила одну из треугольников сразу двум офицерам на два разных фронта — папе и двоюродному брату Алексею, который давал в нее влюблен. Так и началась послания: «Дорогой Леша...», «Дорогой Миша...» Но треугольники перепутала. Алексей понял, что шансов у него нет никаких, а мой папа оскорбился и замолчал. Молчал до окончания войны, а помирился лишь когда пришел просить маминую руку у деда.

Котлеты по-волжски

На одной из фронтовых фотографий — мама с подружкой. На обороте дата — 1944 год, Сергач. Это город в Горьковской области. Я нашла его на карте и вспомнила еще одну мамину историю.

В Поволжье было голодно. Девчонки расселись по домам. Хозяйка, жена фронтовика, с несколькими ребятишками пошла ужинать. Девчонки собрали свои пайки, а хозяйка не только картошку на стол подала, но и мясные котлеты. После консервов, пшена девчонки вдруг увидели настоящее мясо, а запах мясных котлет напомнил о мирной жизни. Съели все. От сытости разможило, и девчонки уснули. Утром мама спросила хозяйку, откуда же мясо: ведь кругом пусто, еды практически никакой. Женщины устало махнула рукой:

— Да коняга наша полетела, а детей да вас жалко. Дай, думаю, накормлю всех разом.

Тут только мама вспомнила, что вкус мяса показался странным. Мама представила этого дохлого конягу... Может, и не стали бы есть эти котлеты, если бы хозяйка сказала, из чего они сделаны. Но голод не тетка...

Был месяц май

Стояла весна, наши войска уже вошли в Германию. Мамин батальон вместе с полком I Украинского фронта расположился в немецком городе Бреслау, маму взяли работать в штаб. Расположились в большом доме с окнами в фруктовый сад. По меркам русских девчонок, дом был таким большим, что, скорее, напоминал виллу. Огромный зеркальный зал с большим, казавшимся километром, полированным столом поража воображение. Оглядевшись, девчонки увидели: зеркала побиты прикладами, а посреди стола под солдатской шапкой куча дерьма. Видимо, нашли «шутники» среди ребят, которые то ли от злости, то ли от отчаяния и усталости поглумились над немецким роскошным бытом. Девчонки выбрали себе комнату, открыли окна и вдыхали весенний аромат сада — предчувствие скорой победы, начала мирной жизни.

Когда наводили порядок, заглянули в ванную комнату, где подолгу рассматривали краны, полочки, восторженно удивлялись этому великолепию. Вдруг одна из девчонок взвизгнула:

— Ой, девчонки, зубы! На полочке лежала в стаканчике чистота.

— Тыфу, гадость какая! Девушка выкинула стакан с содержимым в окно, в сад. Девчонки, взрослая жизнь которых началась на фронте, никогда не видели вставной челюсти. Мама видела у своего дедушки и сказала об этом, но было уже поздно. Пошли в сад, долго искали сей предмет, ведь он мог понадобиться хозяйке. Но напрасно, стакан с челюстью как испарился. Далеко его забросили... Девушка бесечно отмахнулась — подумалась, какой-то фриц забрал. Испугалась и драпанула. Так и надо.

Через день-другой на утром мама проснулась от шороха под окном. Она выглянула в сад и увидела немолодого испуганного мужчину в пенисе. Он присел на корточки и шарил в примятой траве.

— Вы кто? Что здесь ищите? Вопрос прозвучал риторически. Немец не понимал по-русски, а мамин знания немецкого ограничивались несколькими фразами. Немец умоляюще сложил руки на груди и стал что-то лепетать. Интуитивно мама поняла, что это хозяин дома, а по его жестикам догадалась, что он ищет свой зубной протез. У мужчины был жалкий и беспомощный вид. Он почему-то напоминал маме отца и не представлялся врагом. Мама, как смогла, объяснила ему, что они не видели его протез, не знают, где он ушел, а у мамы осталось чувство стыда и неловкости.

Позже в штабе мама узнала, что хозяин дома был немецкий профессор. Шли дни, все жили в ожидании... Однажды ночью девчонки проснулись от оглушительных залпов. Натренованно быстро оделись и выбежали на улицу. Небо в россыпи салютов, людей столком, что яблоку негде упасть. И долгожданное слово: победа! Люди устремились на городскую площадь. Все плакали, смеялись, целовались: — Победа! Победа! Победа! Мама пошла в объятия молодого мужчины. Да это же военнопленный итальянец, что жил в доме напротив. Каждое утро этот симпатичный здоровяк из окна, улыбаясь маме и весело подмигивая. А теперь он обнимал ее и тычал пальцем в свою узкую грудь, кричал: — Нино! Нино! Мама в ответ: — Нина. Видимо, их имена звучали одинаково. Чувство освобождения, воли поглотило всех. Народ на площади, улицах ликовал. И исчезло чувство опасности. Но командование предупредило, что в городе полно недобитых фашистов, которые укрываются среди мирного населения, а целоваться с военнопленными опасно, так как многие из них тяжело больны. Но что значат слова в сравнении со счастьем, что ты жив, молод, что впереди тебя ждут родные, новая настоящая жизнь? Домой ехали весело, хотя в поездах было тесно. Меняли американскую тушку на грешники для волос. Ждали, когда, наконец, можно будет снять эти ненавистные ботинки на негнущиеся подошвы — подарок союзников в конце войны, надежд красивое платье, белье носочки, туфли и скорее забыть канонаду, грязь, страх, гибель непопавших, весь этот ужас, название которому — война.

Моя мама умерла рано. Я часто вспоминаю родителей, их рассказы о войне. Как будто это было недавно. Всего 60 лет мирной жизни и часть их молодости. Да, у памяти есть свойство подмигивать. Наталья БАРАШЕВА.

Будем помнить горестно и свято

Посетителей в этом музее встречают слезами

В честь 60-летия Победы общественная организация «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества», которой руководит Валентина Новикова, благодаря помощи губернатора области предложила детям, чьи отцы во время войны пропали без вести, побывать в городах-героях. В составе группы были и магнитогорцы.

Из области — тридцать человек, из Магнитогорска поехали шестеро: Любовь Платонова, Галина Дубакова, Надежда Королева, Людмила Котельникова, Роза Бабенко, — рассказывает Мария Литвинова. — Провожали нашу делегацию председатель городского Собрания депутатов Александр Морозов и заместитель главы администрации города Богданов.

О местах захоронения наших отцов мы не знаем, поэтому решили поехать в Москву, поклониться всем безымянным воинам. Для пропавших без вести участников Великой Отечественной есть символическое место — могила Неизвестного солдата. Возможно, и наши отцы навеки остались в этих местах...

Мой папа ушел на фронт в октябре сорок первого, в апреле сорок второго пропал без вести. Помню, как его провожали, мне в то время было пять лет. Лил дождь: природа будто опла-

кивала своих сыновей. Запомнились последние слова отца, с которыми он обратился к маме:

— Учи детей! Кто-то предложил папе опоздать на поезд, остаться. Говорили, что у него броня, но он твердо ответил: — Если все останутся, то будет защищать Родину, жен, детей?

Много мы пережили за время войны: лишения, голод, холод. Словом, рано познали тяготы жизни.

Брат Миша учился хорошо. Дети погибших воинов набирали в сурововское училище. Брат прошел отборочную комиссию в 1951 году. Утром надо было привести его на вокзал для отправки в Свердловск, но мама была так напугана войной, что не повела Мишу. И как ни просили ее отпустить мальчика в училище, она была непреклонна. Я с пятинадцати лет училась в медицинском училище, брала ночные дежурства. Брат окончил индустриальный техникум, трудился на металлургическом комбинате. По окончании горно-металлургического института работал на руководящих постах. Я тоже без отрыва от производства окончила педагогический институт.

Мы выполняли заветы отца. Определением в наших поступках был принцип: чтобы не стыдно было перед ним. Мечтали, чтобы он объявился,

увидел, какими мы стали, порадовался за нас. Мы искали его, писали во все архивы, но...

В Москве посетили мемориал памяти и славы — Поклонную гору. Главный музей Великой Отечественной войны произвел незабываемое впечатление. При входе, на потолке, мы увидели как бы свисающие капли слез. Работники музея сказали, что посетители встречают слезами. Панно «Взятие Берлина» вызвало чувство благодарности нашим отцам — победителям фашизма.

В Москву съездила не напрасно. В музее есть именной каталог, составленный на всех погибших участниках войны. Магнитогорской делегации выдали сведения о погибших отцах. Эта информация помогла узнать место захоронения моего свекра — Алексея Литвинова, который считался пропавшим без вести. Оказывается, десятого июня сорок второго года он умер в госпитале от ран, похоронен в Москве на Преображенском кладбище. Данные моего отца — Емельяна Лебедева — музей принял для поиска.

На Поклонной горе посланники Магнитки возложили венки с надписью «От детей погибших защитников Отечества Челябинской области». Музею мы подарили книги о легендарной Магнитке, ковшевич меч Победы, администра-

Владимир Путин — книгу «Не гаснет память о славных — сборник писем-воспоминаний детей погибших защитников Отечества».

При вручении книг мы рассказали о нашем городе, — продолжала Мария Емельянова. — В качестве ответного шага сотрудники музея подарили магнитогорскому музею книгу «Кавалеры ордена Александра Невского».

На душе стало светло, когда вошли в храм Христа Спасителя. Поставили свечи и поблагодарили отцов за жизнь, которую они подарили.

За организацию поездки отдельное хочу поблагодарить Петра Сумина, Людмилу Арестову, Раису Зоркову, Зою Пронину.

Записала Вероника ШУРОВА.

Ходили мы колоннами...

НОСТАЛГИЯ

Недавно побывал в родном кузнецко-прессовом. В цехе чистота и порядок, но зато малолюдно и довольно скучно. Из одиннадцати молотов работало только четыре, да еще пресс. Остановился у трехтонного молота, на котором когда-то трудился.

Все почти, как и раньше, разве что покровку куют помельче. На прессе, откуда я уходил на пенсию, протыкали слитки на заготовку для молотов. Как мне сказали, прокат со станков сейчас не поступает, поэтому приходится протыкать слитки.

На обратном пути вспомнились иные времена, когда цех работал в нормальном режиме. Покровка изготавливали много, и все они были востребованы. Шло очень много инвентарных заказов: страна создавала, строила. Работали мы — дружно и весело, были молодыми, веселыми, жизнерадостными, не умели быть серьезными. В запасе каждого всегда была улыбка, смешок. И сейчас, хоть уже и старички, но если доводится изредка встретиться, без смеха не обходимся. На обиходных в столовую, выбор билетов всегда был достаточно разнообразным.

Иногда в свободное от работы время устраивали культпоходы в кино, театр. Бывало, ездил на Бальное озеро (на массовку). Старались разнообразить жизнь, что в незначительной степени удавалось. В цехе трудился по совместительству баянист. Как заправский культуротник, от не раз устраивал в красном уголке встречу Нового года, хорошие концерты художественной самодеятельности. И в артистах недостатка не было. 7 ноября и 1 Мая обязательно ходили на демонстрацию. Не раз приходилось слышать, что чуть ли не под конвоем заходили туда. Не знаю, может, где и были самодуры, а у нас нет. Кто-нибудь из руководства шел в предпраздничный день на сменно-встретном поздравлял с наступающим праздником, прилагал на демонстрацию. Они всегда были многолюдными: шли по проспекту Ленина двумя параллельными колоннами с песнями, с музыкой и, бывало, с плакатами.

Веселое время было. Но, как часто бывает, рядом с хорошим находилось место и плохое. А хорошего было намного больше: все шло по фону перестройки и рыночных реформ, которые длились почти двадцать лет и невольно коды закончили, выпалили сегодня медком, незначительным и потому остался из календаря. Наше вспоминается лучшее, светлое, в том числе и праздничные демонстрации. Николай СИЛЬЧЕНКО, ветеран труда.